

СТРАТЕГЕМНО-ПРАОБРАЗНЫЙ ВЕКТОР ТВОРЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИМОДАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ*

Памяти Л.И. Анциферовой и В.П. Зинченка

В статье представлен стратегемно-праобразный вектор творческого восприятия мира в условиях функционирования полимодальных информационных потоков.

Ключевые слова: творческое восприятие, творческие стратегии, праобраз, праобраз, информационные потоки.

О скачкообразно возросшей актуальности проблемы восприятия в наступившую эпоху информационного шабаша (или, скажем более привычно – взрыва) нам говорят уже не только безусловные научно авторитетные специалисты, но и «обыкновенные» радио-теле-газетные популяризаторы злободневных тем. Автор этой статьи посвятил данной проблеме львиную долю своих исследований, публикаций и выступлений без какой-либо претензии на оригинальность, пионерство и какое-либо ноу-хау. Ибо это представляется ярчайшей очевидностью: агрессивная информатизация нашего пространственно-временного бытия и быта грозит, помимо прямого деформирования мыслительных процессов, хроническими стрессами, невротами, психическими отклонениями, обретающими масштабы эпидемий (чтобы это не показалось кому-то моим субъективным преувеличением, предлагаю обратиться, к примеру, к работам таких классиков как Л.И. Анциферова, А. Маслоу, Н.П. Бехтерева, К. Роджерс, Г.С. Костюк, Б.Ф. Ломов). Скажем для краткости несколько метафорически: неисчислимая армия информационных войск и бандформирований не просто стоит у ворот, а перешла и переходит границы нашего сознания, захватывает тылы подсознания, «беря в плен» или просто уничтожая «города и села» наших нейронов. Наши мозги на грани полной (или частичной?) капитуляции. И боюсь, что моя метафора гораздо ближе к реальности, чем даже я сам думаю... И не только я (см. далее).

Отвечать на вопрос «кто виноват?» слишком поздно, но будем надеяться, что на такой же вездесущий вопрос, как «что делать?» отвечать нужно, авось что-то получится и мы не погибнем под завалами информации (см. уже не раз нами цитированную работу И.С. Шкловского).

Для начала давайте порассуждаем предварительно упрощенно, скажем так, в стиле Нико Пиросманишвили.

Человек рождается, получает дар (генетически, или по воле небес – это уж пусть решают атеисты и верующие) как минимум биофизиологическую

* данная статья написана в стиле своего рода импровизации, которая, будем надеяться, не преуменьшает серьезности обсуждаемых в ней тем и проблем. Кроме того, выбранный нами стиль «связан родственными узами» со стилем, характерным для многих работ Л.И. Анциферовой и В.П. Зинченка (особенно в последние десятилетия их научного творчества).

стратегию выживания в биофизическом смысле. И свой поединок с миром он начинает еще в утробный период (в «малом театре» материнского дома). А уже с первых мгновений появления на свет, можно сказать без всякого преувеличения и уже без особых метафорических изысканий, этот поединок продолжается уже на сцене большого театра жизни, где каждый из нас ежемгновенно (!!!) не играет Гамлета, а фактически является им, потому что «быть или не быть» это не философско-литературный образ-понятие, а неотвратимая реальность, зависимость человека от бессчетного числа случайных и неслучайных – стационарных факторов разного заряда активности и пассивности.

Даже самая упрощенная логика подсказывает: для того, чтобы жить (выживать) нужно также ежемгновенно (!!!) оценивать, т.е. воспринимать реалии и реагировать на них – искать выход (убегать, отклоняться, прорываться, ждать помощи етс.) – с большим или меньшим включением творческих потенциалов для разрешения каждой конкретной ситуации. Собственно, нервная система, организм и функционирует, непрерывно получая огромное количество микро (и не только микро) воздействий (сигналов), перерабатывая их, поддерживая относительное равновесие биохимии, температуры, тонуса, общего состояния. И в зависимости от степени новизны и масштабности воздействий на человека его творческое восприятие запускает в действие уже конкретные стратегии, тактики и отдельные умственные микродействия, направленные на преодоление возникающих сложностей (решение задач, проблем).

Чтобы не быть причисленным к лагерю психологов-примитивистов, которые избегают уровня научности, приведу здесь для объяснения того же самого не очень короткую, но уместную цитату из работ Л.И. Анциферовой:

«С позиций представлений о системной целостности душевной жизни личности каждый ее «орган» – это выработанная субъектом для решения жизненных задач модификация своей целостности, начиная с психофизиологического и кончая ценностно-смысловым развитием. Даже фрагментарное описание функционирования того или иного «органа» многомерно, ибо включает перестройку ценностных, значимостно-смысловых, потребностно-мотивационных, функционально-энергетических, инструментально-операциональных, установочно-диспозиционных характеристик личности. Происходит актуализация и новая интеграция необходимых побуждений, сочетающаяся с построением психологических преград для конкурирующих влечений и стимуляций: изменяется система значимостей; расставляются новые акценты в системе ценностей; мобилизуются функциональные возможности человека, изменяется психологический тонус; происходит смена психических состояний; преобразуется размерность временной перспективы; корректируются или перестраиваются «сценарии» поведения; интенсифицируются чувства сопричастности определенным «значимым другим», социальным общностям, человечеству» [1, с. 63]. Под «органами» Л.И. Анциферова в данном случае имеет в виду полифункциональные формы, или модулы, «посредством которых личность решает свои жизненно важные задачи» [там же].

Как видим, здесь уже строго научным языком пересказана сущность реального творческого реагирования на вызовы жизни в разных ее измерениях.

В.П. Зинченко в своей последней, во многом определяющей весь его марафонский путь в психологии, работе очень выразительно высказался относительно обсуждаемой нами проблемы:

«В моем понимании действительности входит и ее история, и реальность, включающая в свой состав также ее потенциальные, в том числе и виртуальные возможности создания иного. Акты творчества действительны, независимо от того, природны они или культурны, непосредственны или опосредованы, интуитивны или дискурсивны, сознательны или бессознательны. В любом случае, творческий акт направлен на преодоление стихии, хаоса или того, что в представлении автора кажется хаотичным, слабо организованным, хаотичным. Итогом творческого акта (деятельности) является новообразование, иная организация хаоса (иной порядок), создание новых внешних и внутренних форм, несущих смысловую нагрузку. Сердцевиной творческого акта является формообразование, а его движущей силой – трансцендирование – выхождение за пределы себя. При этом не имеет значение, какого «себя» – духовного, когнитивного, эмоционального, телесного или ТРОННОГО Я (М. Цветаева): ВЛЕЧЕТ НЕВЕДОМАЯ СИЛА, которой может быть духовная жажда, голод мысли, незнание, желающее стать знанием. ОТ ЧУВСТВ ЗНАКОМЫХ НАС ПОД ОБРЫВ, К НЕЗНАКОМЫМ ВСЕ ДАЛЬШЕ ВЛЕЧЕТ (Р.М. Рильке). И так далее без конца. В этом смысле творчество беспощадно как по отношению к внешнему, так и внутреннему миру. Ибо оно, как всякое действие, двуедино – направлено на тот и на другой» [4, с. 547].

Как видим – здесь уже речь идет о творчестве (и о творческом восприятии в том числе, правда несколько иносказательно) в более философском ключе, но фактически с той же смысловой конкретикой, о которой идет речь у Л.И. Анциферовой.

И раз уж мы обратились к жанру максимально, скажем так, авторского обоснования наших тезисов крупнейшими учеными, дадим еще слово хотя бы одному «заморскому гостю». Тут очень, как увидим, убедительно и в унисон с нашими собственными рассуждениями, прозвучат мысли А. Маслоу: «...причина моего интереса к творческому обучению, к креативности, к психологическому здоровью и т.д. состоит в том, что, по моему глубокому убеждению, темп движения истории в последнее время значительно ускорился. Мне кажется, мы переживаем сейчас совершенно особый исторический момент, непохожий ни на что, что было до сих пор. Сама жизнь ускорила как никогда. Вспомните, к примеру, об огромном ускорении, которого добилась за последние годы наука, техника и технологический прогресс. Мне очевидно, что это требует изменения отношения к человеку и к миру, его окружающему. Говоря прямо, назрела необходимость в ином типе человека. Я чувствую, что настала пора гораздо более серьезно, чем двадцать лет назад, отнестись к гераклиловскому, или боргсоновскому, или уайтхэдовскому взгляду, воспринимающему мир как поток, как движение, как процесс, но никак не в наборе предметов, существующих вне времени. Если меня не об-

манывають мої чувства, а это сегодня гораздо более очевидно, чем в 1990-м или даже 1930-м годах, – если это так, тогда настала пора человека, способного жить в постоянно изменяющемся, постоянно движущемся мире» [7, с. 70]. И далее следует со всей категорической определенностью утверждение о необходимости принципиально нового (по сути тоже творческого!) образования, подготовки специалистов, способных к адекватной деятельности в новых условиях: «Мне хочется обратиться с вопросом ко всей системе образования: Зачем нужно рассказывать о фактах? Факты так быстро устаревают! Зачем обучать техническим наукам? Техника движется вперед семимильными шагами! Даже серьезные колледжи, которые готовят инженеров-техников, ломают голову над этой проблемой. Массачусетский технологический институт, например, с недавних пор перестал преподавать технические дисциплины по-старому, только как научение ряду технических навыков и умений, потому что практически весь опыт, десятилетиями накапливаемый профессорами инженерных наук, теперь совершенно устарел. Согласитесь, что сегодня бессмысленно учить делать кабриолеты. Некоторые преподаватели этого института, насколько мне известно, отказались излагать по старинке своим студентам накопленные ими знания и умения, а вместо этого направили свои усилия на то, чтобы воспитать новый тип инженера, в сущности новый тип человека, который не чувствовал бы себя потерянным в быстро меняющемся мире, человека, которого изменения воодушевили бы, человека, способного к импровизации, уверенного, сильного человека, который мог бы с честью и с радостью встретить неожиданную, новую для него, ситуацию» [там же].

Обратим внимание на то, что данная работа А. Маслоу была издана в 1971 году. Это тем более льстит мне, автору данной статьи, поскольку практически все вышесказанное самым наилучшим образом, так сказать, пропагандирует основы разработанной нами системы КАРУС!

Подкрепим обоснование целенаправленного вовлечения в образовательно-деятельностную повседневную реальность специальных технологий, методов, методик, обратившись к новейшим экспертным заключениям столь же солидных специалистов, как и вышепредставленные. Так ученый очень широкого диапазона Т. В. Черниговская столь же категорично утверждает: «Клод Леви-Стросс писал, что XXI век будет веком гуманитарной мысли или его не будет вообще. Все мы помним, что XX век – век физики, XXI – век нейробиологии... Но ясно, что не будет вообще ничего, если мы не очнемся и не осознаем, куда мы попали. А попали мы в цивилизационный слом, в ситуацию, когда разруха в головах настолько перекрыла все остальные проблемы, что является едва ли не самым главным фактором, определяющим наше существование» [13, с. 16]. Не вступая (здесь не место) в дискуссию относительно приоритетов именно нейробиологии в XXI веке, обратим внимание, что Т. В. Черниговская, равно как и А. Маслоу, подчеркивает, что «мы должны понять, как учить людей учиться, как научить извлекать информацию из быстро меняющегося внешнего мира. Этой информации такое количество, что на самом деле почти все равно, есть она или нет... Мы понимаем, что не-

возможно прочесть все статьи, которые выходят по твоей «узкой» специальности, нужны кроме того и комбинированные, конвергентные знания. Количество «фактов» растет стремительно, а понимание – гораздо, несопоставимо медленнее. С. П. Капица говорил, что надо перейти ОТ ОБРАЗОВАНИЯ ЗНАНИЯ К ОБРАЗОВАНИЮ ПОНИМАНИЯ. Как научиться правильно классифицировать и «упаковывать» информацию? Как мобилизовать свое внимание, организовать память? [там же, с. 17].

Совершенно очевидно, что и здесь мы видим все ту же расстановку акцентов: информационное нашествие, недостаточная готовность к «поединкам» с конкретными информационными «противниками», принципиальная важность понимания как основного в данном случае «психологического» оружия. Скажем прямо – для нас это тоже очевидности даже не вчерашнего, а позавчерашнего дня [см. 10 и др.]. Но здесь нам представляется очень уместным напрямую обратиться к классикам, так сказать, с другого материка – именно гуманитарного, о чем выше говорит К. Леви-Стросс. И этим классиком вновь, как и в предыдущей нашей работе [см. 11], будет А. С. Пушкин. Но сначала два слова о названии книги Т. В. Черниговской «Чеширская улыбка кота Шредингера». Как это понятно, в названии соединен один из героев «Алисы в стране чудес» (Чеширский Кот) и так называемый кот Шредингера, физика, лауреата Нобелевской премии, который в своего рода притче-мысленном эксперименте «участвует» в очень важном исследовании [см. об этом конкретнее в 13, с. 11]. В данном случае «двойной» кот Т. В. Черниговской выполняет роль своего рода проводника по лабиринтам этой книги, эпиграфом ко введению в которую стоят, кстати, слова... А. С. Пушкина («Старайся наблюдать различные предметы...»), что собственно и послужило одной из причин нашего обращения к... Коту Пушкина, кстати, как мы помним, тоже не какому-то там бомжу, а – Ученому.

Не только в этой связи вспомним, как теперь становится все более очевидным, провидчески-синергетический экскурс нашего гения. Итак:

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных*

*Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кощей над золотом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!» [12, с. 434].*

Не хотелось бы, да и не очень к месту – впадать в патетику, но, право же, в тысячный раз перечитывая этот всего лишь вроде бы малый отрывок, вступление к такой, как почти само собой и давно считается, наивной, детской (?) сказке, поражаешься колоссальной насыщенностью, многозначностью, многоплановостью, тайнописью и, скажем так, очевидной реальностью представленной картины, над расшифровкой которой нам еще работать и работать.

Но для нас здесь в данном случае главный «герой», как мы уже сказали, Кот Ученый (Кот Пушкина), который вошел в мир почти за сто лет до Чеширского и кота Шредингера. Ни тому, ни другому мы не отказываем в их значимости, но, как кажется более чем очевидным, Кот Пушкина куда как более важен и значим – он не скитается по какому-то там зазеркалью, как Чеширский с его, скажем прямо, очень уж мудреной улыбкой, не сидит в ящике с радиоактивными веществами, как безжалостно приговоренный к негуманному опыту немой кот Шредингера, а безостановочно – и днем, и ночью ходит по золотой цепи, ходит и поет (и не только «Мурку», разумеется), ходит и слагает футурологические трактаты, т.е. сказки.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что привлечением к претендующему на научность анализу весьма и весьма серьезных проблем, обращаемся не к Дарвину и Павлову, не к яростным поклонникам математизации науки, а к поэтам, – ставим себя под безусловно правомерную критику, вплоть до полного отвержения наших тезисов. И мы бы чувствовали себя может быть и не так уж уверенно на шаткой палубе нашей науки, если бы рядом не было таких опытейших путешественников, как В. П. Зинченко, Л. И. Анциферова, Б. М. Теплов, Н. Д. Ермаков и еще, еще. А среди них и – кто бы подумал?! – сам Зигмунд Фрейд, который в своей речи, произнесенной на конференции по случаю его юбилея, сказал, что поэты знают все, и знают наперед [цит. по 6, с. 30]. И дело, разумеется, не только в авторитетных мнениях по поводу вовлечения поэзии, и – шире – художественной литературы в контекст психологического анализа, но и, в конце концов, в правомерности, скажем так, различных жанров и стилей изложения собственно научных дисциплин, идей трактатов (напомним, что в свое время в Европейских университетах некоторые предметы читались не только на латыни, но еще и в стихотворной форме).

Да и Пушкинский Кот нам понадобился в первую очередь не потому, что он попал в стихи, а прежде всего потому, что в этом кратком поэтическом вступлении к поэме-сказке содержится своего рода квинтэссенция самой что ни на есть перспективной парадигмы постижения, познания окружающего мира, той пушкинской парадигмы, к описанию которой мы обратились ранее и уже вполне целенаправленно [11].

И представленный в поэме ДУБ ЗЕЛЕНЬИЙ – это, особенно после ознакомления с работой У. Матураны и Ф. Варелы «Древо познания», – и есть ведь своего рода модель и окружающего мира, и процессов познания, осуществляемых человеком. При чтении этого небольшого текста у современного, мало-мальски просвещенного психолога (и не только психолога) возникает целый спектр ассоциаций: вечно зеленое древо познания (начиная от Адама и Евы – ср. с рассуждениями указанных выше авторов – 8, с. 216), и золотая цепь знаний, мудрости, и Кот-исследователь, бард и фантаст, и сложный инь-яньский поток творческой деятельности («идет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит»), и сверхсложный научный «коан» – избушка не просто на привычных курьих ножках. Но – «без окон, без дверей»... Тут и чеширскому, и шредингеровскому котам будет не до улыбок, а в самом деле до «быть или не быть»...

А для нас этот насыщенный полифонический образ Лукоморья важен как, пожалуй, идеальная иллюстрация стратегемной (стратегической) системы творческого потенциала человека: здесь представлен целый набор аналогий (прямых и символических), и реконструктивный коан указанной избушки, одновременно требующий, скажем так, спонтанно-интуитивного решения, и богатая комбинаторика всех действующих лиц и предметов, равно как и необходимость целостного, синтетического, универсального восприятия всего этого, чтобы построить для себя картину, поддающуюся тому или иному, пусть и субъективному (как это и трактуется в теории функционирования стратегий творческой деятельности) пониманию, интерпретации, истолкованию путем построения своей картины, своего образа мира, поданного нам А. С. Пушкиным в виде такого вот Лукоморья. И не нужно прибегать ни к каким натяжкам, чтобы позволить себе выразить мысль о том, что каждый из нас в своем восприятии данной картины, если это восприятие будет носить мало-мальски целенаправленный характер, выберет свою стратегию расшифровки Лукоморья, то ли по своим собственным индивидуально закрепленным аналогиям, то ли склонностью к фантазированию (реконструированию), то ли словесно обусловленной необходимостью как-то упорядочить представленную богатую комбинацию. Это рассуждение можно без особого труда продолжить, но для нас важно остановиться еще на одной стороне обсуждаемой проблемы.

Речь идет о праобразной детерминации зарождения и развития стратегии как таковой.

Даже в том весьма скромном варианте, в котором мы представляли понятие праобраза в наших рассуждениях, оставалось слишком много приблизительного, условного, что больше подходило на использование термина как рабочего. Хотя одновременно, все же напомним, мы при этом вели речь об

отнесении праобразной сферы к генетико-подсознательной сфере психики, что безусловно делает этот термин вполне правомерным. Ведь никто же не наберется пока еще наглости утверждать, что мы знаем, что такое сознание или подсознание (а эти понятия давным-давно расхожие и «обычные»). Так вот в данном контексте нам и хотелось бы прибегнуть к этой же иллюстрации-модели праобраза в виде дерева – и не только с его стволом, ветками и листьями, но и, разумеется, с корнями, о которых чаще всего забывают, как и крыловская свинья). Такой образ детерминирующей системы зарождения и появления стратегии при всей его на первый взгляд кажущейся примитивности даже по ходу в свою очередь простейших рассуждений легко признать не только правомерными, но и достаточно солидными (сильно сомневающимся нетрудно будет умерить свой скепсис, если они обратятся к довольно обширной литературе по истолкованию дерева как не только библейского символа, но и поданного фактически в массе верований, мифов, да и часто строго научных разработках в области фауны). И чтобы наполнить «ветви дерева» конкретным психологическим смыслом, достаточно вернуться к приведенным в начале цитатам из работы Л. И. Анциферовой, а уж по части использования огромного поэтического потенциала в психологическом мышлении в нашем распоряжении находится богатое наследие В. П. Зинченко. Потому-то и позволим себе считать, что ходящий по золотой цепи поэтических аллегорий, метафор-образов Пушкинский Кот может быть призванным «связным» между тайным миром праобразности и уже более явным миром прообразов, поддающихся достаточно конкретному описанию, фиксации и дальнейшему развитию в каждой конкретной творческой ситуации [10].

Совершенно естественно, как мы уже не раз отмечали, возникает вопрос о соотношении понятий «архетип» (по К. Юнгу) и «праобраз» (в нашей интерпретации). Для краткости скажем фигурально так: мы понимаем архетип как корни дерева, в то время как праобраз это все древо – и корни, и кроны (более обстоятельно см. об этом в новейших разработках Е. Н. Боровицкой [2]). Если более точно, то архетип зарождается в корнях психики, а праобраз как-то «выпутывается» из всего древа. Это «выпутывание», зарождение, предтеча, как нетрудно понять, относится к тем тайнам психики, которые пока в гораздо большей степени стимулируют наши гипотезы и домыслы, чем дают основания для построения бесспорных научных конструкций. И нам в свою очередь трудно претендовать на провозглашение истин, оставаясь в этой «зоне» более или менее убедительных доказательств.

Это самым непосредственным образом касается именно наших предположений относительно зарождения и детерминирования стратегий решения задач, как и стратегий творческой деятельности более масштабного характера. Нами достаточно давно и многократно рассматривается своего рода творческая трасса развития стратегии, в основе чего лежит именно праобразный импульс, запуск, базирующийся на установках, мыслительной и общей готовности к выполнению конкретной деятельности, к решению конкретной новой задачи. Именно конкретная праобразная диспозиция в таком понимании является исходной базой для зарождения стратегии.

Как говорится в подобных случаях, такого рода утверждения нельзя ни доказать окончательно, ни опровергнуть. Поэтому еще раз злоупотребим в данной статье длинной цитатой, ибо она очень уж кстати:

«Загадка человеческого мышления (а творческого тем более! – В.М.) всегда оставалась традиционной темой для эпистемологии. Попытки компьютерного моделирования и симулирования мыслительных процессов, открытие нейрофизиологами двух когнитивных типов мышления – пространственно-образного и знаково-символического (прошу прощения, а что психологи в этом смысле до нейрофизиологов ничего не открыли подобного? – В.М.), а также другие достижения когнитивной науки в последние десятилетия конечно же открывают новое поле эпистемологических исследований. Если верно, что наш мозг действительно обрабатывает когнитивную информацию, то резонно предположить, что наши мыслительные акты, видимо, представляют собой направленное оперирование внутренними ментальными репрезентациями (перцептивными образами, словами, символами) в соответствии с теми или иными когнитивными стратегиями (вот это для нас самое интересное – В.М.). Эти стратегии эволюционируют в ходе биологической, когнитивной и культурной эволюции человеческих популяций» [14, с. 32-33]. Мы, разумеется, на культуру человеческой популяции в своих разработках пока не замахивались, но все сказанное имеет самое прямое отношение к обоснованию нами теории функционирования творческих стратегий, как и еще небольшой фрагмент этого же автора: «Наше мышление базируется не только на когнитивной информации, создаваемой на основе сигналов внешней среды, но и на своего рода «встроенном» в когнитивную систему программном обеспечении, т.е. подлежащей биологической эволюции генетической информации, определяющей формат внутренних ментальных репрезентаций, доминирующие стратегии их переработки и т.д.» [там же].

Наши реплики по ходу цитаты – это так, безобидная дискуссионность, а главное в рассуждениях уважаемого И.П. Меркулова – можно без преувеличения сказать – абсолютно идентичное гипотетическое обоснование протекания мыслительных процессов нашему обоснованию праобразно-диспозиционного зарождения стратегий [см. указанные выше работы].

***

В данной статье можно вполне обойтись без каких-либо развернутых характеристик всего того, что связано с информацией, ее стремительным ежесекундным (!) накоплением в окружающем нас мире, и всем тем, что напрямую связано с поисками собственно психологических средств решения информационных проблем. Об этом уже написано огромное количество работ, об этом фактически идет речь в наших многолетних разработках, связанных с изучением творчества, мышления, практических технологий деятельности в информационном времени-пространстве. А.С. Пушкин в своей сказке «Руслан и Людмила» (я считаю эту «сказку» блестящим футурологическим произведением, которое с каждым днем подтверждает очень высокий уровень заложенных в нем прогнозов), говоря сегодняшним языком, удивительно точно смоделировал в представляемом Лукоморье сегодняшний ин-

формационный мир со всеми его социально-психологическими крупно и маломасштабными перипетиями, начиная от мелких интриг и кончая войнами и межличностными поединками (чего стоит только сравнение событий в сказке с сегодняшними событиями на Украине, а, ведь, у Пушкина рассказ ведется именно о событиях в Киевской Руси!). Так что «дела давно минувших дней, преданья старины далекой» [12, с. 486] становятся злободневными в сегодняшней реальности. Опять-таки, трижды прав З. Фрейд: «Поэты, как всегда, знают все» [цит. по 6, с. 30]. А Анна Ахматова, как известно, любила повторять: поэт всегда прав.

P.S. Так уж получилось, что Л.И. Анциферова и В.П. Зинченко почти в одно время поменяли свою физическую прописку. Но такая прописка это всего лишь штамп в паспорте. А личность прописана в мироздании навечно, раз и навсегда. И хотя я намного меньше искушен в теории личности, чем Людмила Ивановна и Владимир Петрович, но ни мгновения не сомневаюсь, что они то как раз и доказывают самими собой, что личность это не придумка психологов, а реальность, что Личности – слава Богу! – присутствуют в нашем пусть и не очень радужном бытии.

Моя сумбурная, фрагментарная статья – это только реплика. Лучше всего писать посвящения, когда их адресаты еще рядом. Но тут уж не загадаешь, как успеется, как сложится...

Я садился писать, имея какой-то иной замысел. Но уже в процессе написания я услышал настойчивое, требовательное мяуканье и сквозь буквы и строчки увидел... Кота! Да, именно Кота на дубе, на золотой цепи. Кота Пушкина. И я вдруг понял, что это не я пишу статью, а именно Л. И. и В. П. попросили Ученого Кота войти в мои мучительные поиски, в мое трудное положение дон-кихотских поисков стратегий в творческих сферах.

Так что уж как хотите – кому пусть будет код Да Винчи, а мне и всем, кто со мной солидарен, – КОТ ПУШКИНА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анциферова Л. И. Системный подход в психологии личности / Л.И. Анциферова // Принцип системности в психологических исследованиях. – М. : Наука, 1990. – С. 61-78.
2. Боровицкая Е. Н. Психологическая конфигурация праобраза в процессе творческого мировосприятия / Е.Н. Боровицкая // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология / Под ред. А.Ю. Внутских. – Вып. 1 (17). – Пермь, 2014. – С. 74–82.
3. Глик Д. Информация. История. Теория. Поток / Д. Глик : пер с англ. – М. : Аст, 2013. – 576 с.
4. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт / В.П. Зинченко. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
5. Информационная эпоха: вызовы человеку. – М. : РОССПЭН, 2010. – 335 с.
6. Исаев И. Ю. Алхимия эмоций: немного о природе чувств и стратегий / И.Ю. Исаев. – М. : Беловодье, 2009. – 256 с.
7. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики / А.Г. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1997. – 430 с.

8. Матурана У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела : пер. с англ. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
9. Мировоззренческая культура личности. – К. : Наукова думка, 1986. – 295 с.
10. Моляко В. А. Творческая конструкторология / В.А. Моляко. – К. : Освита України, 2007. – 388 с.
11. Моляко В. А. Пушкинская парадигма в психологии творчества / В.А. Моляко // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України. – К. : Видавництво «Фенікс», 2013. – Т. XII. Психологія творчості. – Випуск 17. – С. 326–349.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в одном томе / А.С. Пушкин. – М. : Альфа-книга, 2008. – 1214 с.
13. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание / Т.В. Черниговская. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.
14. Эволюция. Мышление. Сознание. (Когнитивный подход и эпистемология). – М. : Канон, 2004. – 352 с.

Моляко В. О. СТРАТЕГЕМНО-ПРАОБРАЗНИЙ ВЕКТОР ТВОРЧОГО СПРИЙМАННЯ СВІТУ В УМОВАХ ФУНКЦІОНУВАННЯ ПОЛІМОДАЛЬНИХ ІНФОРМАЦІЙНИХ ПОТОКІВ

В статті представлено стратегемно-праобразний вектор творчого сприймання світу в умовах функціонування полі модальних інформаційних потоків.

Ключові слова: творче сприймання, творчі стратегії, прообраз, праобраз, інформаційні потоки.

MOLYAKO V. O. STRATEGEM-PRAIMAGINATIVE VECTOR OF WORLD CREATIVE PERCEPTION IN THE CONDITIONS OF POLYMODAL INFORMATION FLOW FUNCTIONING

Article presents strategem-praimaginative vector of world creative perception in the conditions of polymodal information flow functioning

Key words: creative perception, creative strategies, preimage, praimage, information flows.
